

Я пришел
Миниатюра

Я резко раздвинул гардины, вернул себе поднос, который до этого пристроил на прикроватной тумбочке, чтобы освободить руки, и величественно сообщил крепко спящей супруге:

- Я пришел к тебе с приветом, рассказать, что солнце встало, что оно...

- С ума сошел что ли?! – скрипучим голосом перебила меня жена, она же аудитор-трудоголик, накануне вернувшийся из длительной командировки. Подоспела к самому Новому году: сегодня наступило тридцать первое декабря.

Не удосужилась оторвать голову от подушки. Еще хорошо, что приоткрыла один глаз и увидела чашечку горячего ароматного кофе на подносе и стакан ледяного апельсинового сока. Но увиденное никак на нее не повлияло. Как и мое цитирование известного стихотворения Афанасия Фета.

Моя дражайшая супруга Алевтина перевернулась на другой бок, прочь от светового пятна – окна, за которым валил мокрый снег, время от времени переходящий в дождь. Без всякого намека на встающее солнце.

Серость кануна Нового года внезапно проникла внутрь меня, я вздрогнул и едва не выплеснул кофе из чашки. Успел сориентироваться и придержать чашку и стакан с соком, причем проделал все виртуозно – одной рукой с раскоряченными пальцами. Остался доволен собой, расправил плечи и приступил к дальнейшему растормашиванию Алевтины.

- Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше, только утро замаячит у ворот! Ты увидишь, ты увидишь, как веселый барабанщик в руки палочки... какие-то берет! – заодно пропел я слова песни из далекой пионерской юности.

- Кленовые, - прежним скрипучим голосом подсказала жена и натянула себе на голову мою остывшую подушку.

- Кофе подан! – хорошо поставленным голосом сообщил я, не желая сдаваться.

- Уйдешь ты, наконец, или так и будешь меня нервировать?! – взбесилась Аля, но из-под подушки не показала свое румяное личико, еще молодое, без намек на глубокие морщины, несмотря на уважаемый возраст.

- Милая, пора вставать, - промурлыкал я, - уже девять часов.

- Ско-о-олько? Девять?.. Приходи через три часа, тогда поговорим.

- Но...

- Тебе напомнить, в котором часу я вчера вернулась и во сколько легла спать? Ты-то мне только дверь открыл в полусонном состоянии и сразу отравился дрыхнуть дальше.

- Осознал, - покаянно сообщил я. – Спешу загладить свою вину, свое невнимание и... предлагаю тебе быстро выпить кофе, привести себя в порядок и отправиться на прогулку. Я приготовил тебе сюрприз.

- Шел бы ты, Вася, сам на свою прогулку... за сюрпризами. Я хочу выспаться, а потом... мечтаю целый день провести на кухне, чтобы наготовить кучу блюд на новогодний стол, - с издевкой произнесла Алевтина, намекая на мою полнейшую беспомощность. И зря.

- Могу и обидеться, - без намека на расстройство пробубнил я, еще находясь во власти стихийно возникшей бодрости.

- Испугал, - крикнула из-под подушки жена.

И с этим человеком я живу почти тридцать лет! Живу и терплю!

Возможно, она тоже терпит. И молчит.

Я тоже молчу. Молчал. Но всему есть предел!

- Ну, знаешь, - задохнулся я от возмущения. Осушил стакан с соком. Подумал и выпил остывший кофе. Но спальню не покинул, топтался на месте.

Не придумал ничего лучше, как тихим голосом затянуть:

- Я ты любви моей не понял, и напрасно, и напрасно, она, как радуга над полем... чего-то там и... погасла.

- Пора записаться в хоровой кружок, - поерничала супруга слабым голосом, засыпая.

- Я обиделся.

- Прелестно, - сладко зевнула безразличная жена.

- Может, ты меня разлюбила, и я тебе стал не нужен? Нашла мне замену? Так и скажи!

- Разлюбила, нашла, - умирающим голосом укоротила мои высказывания законная супруга, которая клялась мне в любви и верности. И когда это было...

Из-под подушки послышалось глубокое дыхание еще молодой женщины.

Автоматически я перевел взгляд в зеркало, чтобы оценить себя. Симпатичное лицо. Шевелюра каштановых волос с легкой проседью. Живот. Как ни втягивай, так и лезет наружу. А, вообще, я еще ничего. Девчонки на работе засматриваются, глазки строят. Но я ни-ни. Люблю Альку преданной любовью еще со школьной скамьи.

А она? Сначала любила. Потом любила мою любовь к ней. Надоело.

Я себя накручиваю? От ревности?

Мой взгляд уперся в голую пятку жены. Пятка игриво показывалась из-под одеяла. Захотелось погладить и поцеловать эту розовую пяточку. Как в молодости. Алька в такие моменты заливалась от хохота. А потом...

Как давно это было... И как недавно...

- Я пришел к тебе с приветом, - шепотом повторился я. – Пришел с приветом, ушел с обидой в сердце.

Развернулся и покинул спящую супругу, неверную и безразличную.

Могла бы и скрыть. Зачем ошарашивать меня новостью: разлюбила, нашла замену. Кто ее за язык тянул?! И когда? Накануне Нового года!

Как я люблю этот праздник. Любил... Теперь всегда в этот день буду вспоминать ее убийственное признание.

Решено – я ухожу! Навсегда! Мало ли вокруг одиноких женщин!

Взять к примеру мою коллегу – Марию Вадимовну Краснощекину. Для меня просто Маша. Одинокая сорокалетняя женщина со своей жилплощадью. Давно делает намеки - «не против».

Решено – пойду к Маше, а Марии Вадимовне.

Я быстро облачился в новые джинсы, в новый джемпер, обулся, набросил теплую куртку, взял с тумбочки ключи от машины, подумал и вернул ключи на место – пусть автомобиль достанется бывшей жене, как и жилплощадь. Мне от предательницы ничего не нужно. Знать ее больше не хочу. Адъес!

Проверил содержимое своего бумажника – для начала вполне достаточно, зажал в руке мобильный телефон и попрощался взглядом с моей уже бывшей квартирой, где я так долго был счастлив. Обманывался.

Сердце ныло, когда я вышел из подъезда. Я подставил лицо падающему с неба полуснегу-полудождю, постоял некоторое время, после чего важной походкой прошел мимо припаркованного на стоянке бывшего личного автомобиля, стараясь не смотреть в его сторону.

У меня начинается новая жизнь...

Шумная улица оживила меня. Вокруг метались люди, которые хотели суматошно решить все дела, чтобы расслабленно провести новогодние каникулы. Я включился в суматоху, но быстро опомнился: куда я иду? Надо позвонить Маше и напроситься в гости. Прямо так и сказать? А чего вилить, не договаривать.

Недолго думая, набрал номер Маши и бодрым голосом с намеком на искусственность пробасил:

- Машуня, привет!
  - Вася? Ты! Привет!
  - С наступающим тебя!
  - И тебя.
  - Чем занимаешься?
  - Хлопочу.
  - Ждешь гостей?
  - Честно? Никого не жду.
  - Не хочешь никого видеть?
  - Как сказать, - увильнулась она от прямого ответа.
  - Предлагаю встретить Новый год вместе!
  - А как же...
- Я не дал ей договорить.
- Я один, совсем один, - шутливо доложил я.
  - А...

- Так могу я к тебе нагряться?
- Прямо сейчас или ближе к... ночи? – поинтересовалась Мария каким-то ошарашенным голосом.
- Прямо сейчас. Помогу тебе на кухне... Если ты не возражаешь?
- Вася, я буду очень рада...
- Ну, вот, - сказал я безрадостно, когда Маша отключилась. – Меня ждут. А вы, Алевтина Георгиевна, думали, что я никому не нужен.

Симпатичная женщина ждет меня у себя. Я ей не навязывался, задал вопрос, получил положительный ответ, и сейчас... полечу к ней на крыльях... Вот только крылья мне давно подрезала моя Алька. Я сам этому способствовал.

Быстрый шаг по мере приближения к дому Марии замедлялся – ноги отказывались удаляться от собственного жилья, уютного гнезда, свитого совместно с Алевтиной, самой лучшей женщиной на свете. Мне приятно рядом с ней молчать, просто сидеть, не смотреть на нее, но чувствовать ее присутствие спинным мозгом.

Я никогда не привыкну к ее частым командировкам. Но не могу лишиться ее любимой работы. Не имею на это права, хотя, имею на Альку все права, как законный муж.

Да, я ее законный муж. Был и буду им.

Не раздумывая, вновь позвонил Марии Вадимовне Краснощекиной.

- Маш, извини, я не приду. Планы изменились.
- Я несколько не сомневалась... С женой поссорился?
- Мы с ней никогда не ссоримся, хотя, столько лет вместе. Но недоразумения и у нас случаются. С наступающим? – почему-то с вопросительными интонациями произнес я.
- С наступающим тебя, Вася! Будь счастлив!
- И ты, Машенька...

Домой я летел на крыльях любви, как ни по-книжному это звучит.

Едва оказался в прихожей, услышал непонятные звуки. То ли кто-то смеялся, то ли всхлипывал.

Я освободился от верхней одежды и обуви и осторожно, на цыпочках, приблизился к двери нашей спальни.

Алька тихо поскуливала. Я резко дернул дверь на себя, подскочил к жене и сел рядом с ней на корточки.

- Что случилось? Что-то с детьми?

- Я... не... знаю... Они тебе звонили? Что сказали? – испуганно затараторила жена.

- Не звонили... Я подумал... А почему ты плачешь?

- Проснулась, а тебя нигде нет. Где ты был, Васька?! Ушел и ничего не сказал!

- Я пришел, Алька.

- Пришел с приветом? - сквозь слезы улыбнулась она. – А почему у тебя глаза грустные? Я чем-то тебя обидела? Извини, ничего не помню. Так устала за этот год, наверное, никогда не отосплюсь.

- Отоспишься. Сейчас я сварю тебе крепкий кофе, потом ты приведешь себя в порядок, прихватишь с собой самое необходимое, и мы отправимся...

- Куда? – спросила Алька, прожигая меня любящим взглядом, так и не дождавшись продолжения. Я интриговал, пусть и мелко мстил за ее сонное бубнение – обман.

- Алевтина, тебя ждет сюрприз!

- Уже страшно.

- Глупости, - отмахнулся я. – Это приятный сюрприз. Можно сказать, исполнение твоего давнего желания.

- Вася, я не сдвинусь с места пока ты мне не скажешь правду. Вася, ты меня знаешь.

- Аля, я купил небольшой домик за городом. Маленькую избушку, которая со временем превратится в загородный дом. Я на это очень надеюсь. Чем нам еще на пенсии заниматься, как ни выращиванием цветов и сбором урожая.

- Внуками, - подсказала моя жена. – Когда-нибудь дети порадуют нас внуками.

- Без сомнения!.. Но не забывай, что у тебя еще есть я. Есть и всегда буду.

- А у тебя есть я!.. Есть и всегда буду.

Декабрь 2016г.